

VLADIMIR KHAZAN

The Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)

<https://orcid.org/0000-0002-7937-5790>

«Наше дело нажимать, не давать успокоиться, продолжать
бескомпромиссную борьбу против существующего зла».
Переписка Юлиа Марголина и Марка Вишняка. Часть вторая¹

„Nasze zadanie polega na wywieraniu presji, wywoływaniu stałego niepokoju,
na ciągłej bezkompromisowej walce ze złem”. Korespondencja Julija Margolina z Markiem Wiszniakiem.
Część druga (część pierwsza ukazała się w poprzednim numerze)

Streszczenie: Celem publikacji korespondencji Marka Wiszniaka (1883–1976) — rosyjskiego historyka, publicysty, pamiętnikarza, działacza społeczno-politycznego, prominentnego członka partii eserów i sekretarza zlikwidowanej przez bolszewików Konstytuanty z Julijem Margolinem (1900–1974) — dziennikarzem, pisarzem, poetą, filozofem politycznym, krytykiem literackim, antykomunistą i zagorzałym przeciwnikiem totalitaryzmów jest: a) poszerzenie wiedzy na temat ich indywidualnych toposów biograficznych i powiązania ich z wydarzeniami „wielkiej” historii; b) wykazanie ścisłego związku rosyjskojęzycznej kultury Izraela ze światową żydowską diasporą emigrantów rosyjskich; c) dobitne podkreślenie faktu, że istniejąca najpierw w Palestynie, a następnie w Izraelu rosyjskojęzyczna literatura stanowi nieodłączną część ogólnoswiatowego zjawiska literackiego, zwanego Russia Abroad.

Słowa kluczowe: Izrael, syjonizm, Żydzi rosyjscy, totalitarno-obozowy reżim komunistyczny, wolność

“Our object is to press, not to let you relax, continue the uncompromising fight against existing evil”.

Correspondence between Yuliy Margolin and Mark Vishniak.

Second part (first part was published in the previous issue)

Summary: Publication of the correspondence of the Russian historian, publicist, memoirist, public and political figure, a prominent member of the Socialist-Revolutionary Party, secretary of the All Russian Constituent Assembly dispersed by the Bolsheviks Mark Vishniak (1883–1976) with journalist, writer, poet, political philosopher and literary critic, anticommunist and violent fighter against totalitarianism Yuliy Margolin (1900–1971) pursues several important points: a) to expand the understanding of the individual biographical toposes of both and to connect them with the events of the “big” history; b) to demonstrate the close connection of the Russian-language culture of Israel with the world Jewish diaspora of emigrants from Russia; c) to strengthen

¹ В этом номере публикуется вторая часть статьи, первая часть была опубликована в предыдущем номере.

in every possible way the significant fact that the Russian-speaking literature, which existed in Mandatory Palestine and is developing today in modern Israel is an integral part of the global literary process associated with the phenomenon of Russia Abroad.

Keywords: Israel, Zionism, Russian Jewishness, totalitarian-camp regime, freedom

9

Вишняк — Марголину

Нью-Йорк — Тель-Авив

30 ноября 1960 [1]

30.XI.<19>60

Дорогой Юлий Борисович!

Получил *Еврейскую повесть*. Очень Вам признателен за память и внимание. Получил книгу вчера, а отзываюсь уже сейчас, потому что, узнав, что книга имеется в Нью-Йорке, и после Ваших рассказов о ней, чрезвычайно ею заинтересованный, я добыл и прочитал ее уже 2–3 недели назад.

Маленькое «предисловие» к тому, что хочу сказать.

Вы меня знаете сравнительно недолго и мало, но, думаю, всё-таки настолько, что знаете о моей откровенности или, как писали обо мне доброжелатели, о «честности с собой и с другими», как одной из моих черт, которую можно считать, и многие считают, пороком. Как бы то ни было, но я считаю невыносимым — недопустимым — «держат камень за пазухой», в особенности против человека, с которым нахожусь в дружеских отношениях. Вы в числе последних. Я высоко ценю Ваше литературное и публицистическое дарование, что засвидетельствовал и в печати [2]; преклоняюсь пред тем, что Вам пришлось вынести в концлагерях, и пред неугасимым духом возмущения советским коммунизмом. Я Вас не только ценю и уважаю, но и люблю...

После «декларасьон д'амур», мне кажется, дозволено, хотя бы, по Вашему мнению, и без достаточных оснований, сказать всё и, в частности, то, к чему предыдущее служит лишь интродукцией.

Вашу *Повесть* я читал с интересом и с огорчением, которое всё возрастало. Она *много ниже Вас* как автора, — по существу и по форме. Ибо она — не завуалированная фракционная пропаганда, местами сбивающаяся даже на «агитку», — которая для большей привлекательности и эффективности облечена в полубеллетристичеую форму. *Повесть* выполняет опре-

деленный, поставленный себе автором политический заказ и тем самым ее художественная сторона сводится едва ли не на нет.

Вы знаете, что я не сионист — не был им раньше, не стал им и после торжества сионизма. Но Израилю я, конечно, очень сочувствую и желаю всяческого добра и благополучия. Готов согласиться и с тем, что во многом был не прав, когда критиковал сионистское движение как сознательный и бессознательный «эскапизм» от нееврейского освободительного и революционного движения. Но даже меня, несиониста, заставляет Ваша настойчивая, попутная, придиричивая и, главное, неисторическая (с точки зрения сложившихся позднее событий) и несправедливая критика людей и групп, не причастных к Жаботинскому, Бегину [3], Штерну [4], Сролику-реальному или символическому [5]. Как высоко не расценивать героизм Бетара [6], Иргуна, группы Штерна, как можно считать их главными творцами Израиля, — которым другие только мешали?! Фракционно-политическая предвзятость затмила политический и исторический подход и отразилась, конечно, на литературно-художественной стороне *Повести*.

Что Вами владела фракционная страсть, подтвердилось для меня после прочтения совпавшего по времени Вашего Тель-Авивского дневника в «Новом Русском Слове» и «Русской мысли» о деле Лавона [7]. Ваше право и Ваше дело быть всеми недовольным: Лавоном и Бен Гурионом [8], Мапай [9] и Гистадрут [10] и прочими. Но Вы, патриот — и, может быть, на мой взгляд, сверх-патриот — Израиля, пишете ведь не для внутреннего потребления Ваших размышлений в Израиле, а во вне, для использования и врагами того, что не всякий недруг решился бы написать. Напомню только заключительные слова: «...дело (Лавона), которое, как можно догадаться, выведенного яйца не стоит».

Ведь эта «догадка» фактически неверна. Вы не заметили, что это не «выведенное яйцо», а глубочайшая трагедия, отбрасывающая тень не на одних только ненавистных Вам мапайников, но и на весь Израиль и его нравы на 12-м году его государственного восстановления! И кто этой трагедии не заметил? Автор сентиментально-героической повести, переживший сам героически другую трагедию!..

По сравнению со сказанным гораздо меньшее значение имеют погрешности против русского языка, которых я не встречал в Ваших прежних работах — в книге и статьях. Приведу несколько образцов:

Женат с... (с. 59);
Взамен за... (65);
...в движении *так* бессмысленном... но *так* полно... (48/9);
...первым поездом уехал (121) (пропущено с первым...);
голодные (вместо принятого: жаждущие) свободы (129);
...церквями (123);
...возбудить... дурную кровь (162);
...Жаботинский *отдал* выстрел (163); <от руки:> (отдать может винтовка, но не выстрел)
...наступил взрыв (186);
...арестован десять дней после взрыва (188); <от руки:> пропущено: через
...предостерегать *пред* коварностями жизни (206).

Если у Вас хватит терпения — и терпимости — дочитать это письмо до конца, я хочу надеяться, что, даже не согласившись с ним от начала до конца, Вы все же не возмутитесь тем, что я решил откровенно поделиться с Вами своим мнением, хотя на то и не был призван и, возможно, не во всем прав.

Обнимаю Вас и крепко жму руку Еве Ефимовне.

М. Вишняк

1. Отпечатано на машинке. Рукой Марголина помечено: «10/12 — отв<етил>», см. следующее письмо.

2. См. прим. 2 к письму № 4.

3. Менахем Бегин (собств. Мечислав Вольфович Бегун; 1913–1992), политический и государственный деятель, премьер-министр Израиля (1977–1983); в 1940–е гг. руководитель организации Иргун.

4. Авраам Штерн (литературный псевдоним и подпольное имя Яир; 1907–1942), сионистский деятель, поэт. Основатель и руководитель подпольной организации ЛЕХИ («Лохамей Херут Исраэль», букв.: «Борцы за свободу Израиля»).

5. Срулик — Исраэль Эпштейн (1914–1946), член Иргуна и ЛЕХИ, принимавший участие во взрыве британского посольства в Риме; был смертельно ранен при попытке к бегству из итальянской тюрьмы и через некоторое время скончался. Ему и посвящена *Еврейская повесть* Марголина.

6. Бейтар (Бетар) — аббревиатура от Брит Иосиф Трумпельдор (Союз им. Иосифа Трумпельдора) — молодежная сионистская организация воинского духа, которая была создана Жаботинским в Риге в 1923 г.

7. Пинхас Лавон (урожд. Лубяникер; 1904–1976), израильский государственный деятель, Генеральный секретарь Гистадрута (см. прим. 10), министр обороны Израиля (1954–

1955). Дело Лавона — политический скандал, разразившийся в израильском руководстве и продолжавшийся в течение ряда лет, с 1954 до 1960 г. В его основе лежал провал диверсионной операции, проведенной в Египте (египетской полицией было арестовано 13 израильских агентов, двое из которых покончили жизнь самоубийством, двое были повешены по приговору египетского суда, двое отпущены за недостатком улик, а остальным пришлось отбыть продолжительные тюремные сроки). В результате Лавону пришлось уйти в отставку.

8. Давид Бен-Гурион (собств. Давид Йосеф Грин; 1886–1973), израильский политический и государственный деятель, один из лидеров международного сионизма; первый премьер-министр Государства Израиль (1948–1953; 1955–1963).

9. Мапай — аббревиатура от Мифлегат поалей Эрец-Исраэль (букв.: Партия рабочих Земли Израиля) — палестинская, затем израильская социалистическая партия, возникшая в 1930–е гг. в подмандатной Палестине; правящая партия в первые годы после образования Израиля.

10. Гистадрут — израильская федерация труда.

10

*Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
9 декабря 1960*

Mr. M. Vishniak
502 W 113 St.
New York
N.Y.
USA

J. Margolin
16 Shenkin
Tel Aviv
Israel

Т<ель>А<вив> 9.12.<19>60

Дорогой Марк Вениаминович,

Как же Вы могли думать, что я «рассержусь» или «не дочитаю» Ваш разнос! Наоборот, я прочитал со вниманием и очень благодарен, в особенности за указание ошибок в языке. Их

должно быть и больше — у меня не было корректора, а я сам проворонил. Но это ведь не самое главное.

По существу же Ваших возражений скажу:

Я не считаю, как Вы пишете, Сроликов «главными» творцами Израиля. Исправляю только несправедливость их полного отлучения от заслуг. Моя позиция ясно сформулирована на стр. 163: «Историческая диалектика создает видимое противоречие между силами, которые равно необходимы для целого и разными путями стремятся к общей цели. Но в те годы никто не был ни достаточно великодушен, ни настолько дальновиден, чтобы признать это взаимодействие в противоречии» [1].

Кажется, ясно. Если хотите знать, как до последнего времени «бойкотируют» роль Иргуна в достижении независимости, прочтите две последние книги: *From the both sides of the Hill* Kimche (Лондон) [2] и отлично написанную *No alternative* Elston'a (он же David Courtney) [3]. Это они, а не я, пишут, что Иргун «только мешал». — Я защищаю Сроликов от обвинения, что они были преступниками и вредителями общего дела.

Сролик заслужил, чтобы о нем была написана книга — хоть такая, а как бы Вы хотели, чтоб о нем писать? Нужно восстановить мир, видимый глазами Сролика, нужно *Einführung* [4]. При этом я не особенно его идеализировал, он у меня «ein armer Judenjunge», по слову Герцля [5], — и это причина, по которой книга моя осуждена Херут'ом [6] и Бегиним. Я не только не принадлежу к какой бы то ни было партии в Израиле, но сейчас я ближе к Мапаю, чем к его противникам справа и слева. Я совершенно один в Израиле. Какая там «фракционность»? Надо видеть человеческую сторону этого дела. Сролик — живой человек. Фанатизм и ослепление разлиты по всем евр<ейским> партиям, но из всех его форм эта — иргунская — была, накануне Катастрофы, еще наиболее оправданной. Вы не жили тогда в Польше среди миллионов в тупике. Люди чувствовали, что идет беда, дергались, искали выхода. Надо их пожалеть, даже с их ошибками [7].

Что касается того, что «дело, как можно догадаться, выеденного яйца не стоит», то фраза эта не понята Вами. Она относится к тому «инциденту», который имел место в 1955 г., а не к склоке 1960 г. — Под условием, чтоб подобные «инциденты» (не подлежащие обсуждению в печати) не повторялись, мне — нам — каждому среднему еврею — глубоко безразлично, кто был тогда виноват, г. Лавон или г. Х, — и это личный вопрос не заслуживает того, чтобы разнуздать 5 лет спустя такую скло-

ку. Трагедии нет, помирятся. Ненавижу ли я Лавона и других мапайников? Бог с Вами! Я не особенно их уважаю по старой памяти 30-ых гг., но считаю отличными работниками, каждый на своем месте. У Бен-Гуриона прескверный, злой характер, но я ценю его и писал о нем много хорошего. Знаете ли Вы, что моя книга должна была печататься в типографии *Давара*, и только случайно печаталась в другом месте? Президент Бен-Цви прислал мне хорошее письмо и доволен моей *Повестью*, а Вы хотите быть plus Marai que Marai? [8]

Итак, я этой книги не стыжусь, и Вам незачем огорчаться. Все сказанное в ней — чистая правда и попытка объяснить — откуда взялись все эти Сролики. Я знал их в свое время много. Почти все они погибли страшно, трагически... и некому помянуть их добрым словом. А бывшие их «лидеры» в Херуте сделали неплохую политическую карьеру, заседают в Кнессете и партийных учреждениях... На Марголина они и смотреть не хотят. Никто из них не потрудился после выхода книги снять трубку телефона и сказать автору «спасибо». Ваш отклик хоть свидетельствует о том, что Вы принимаете к сердцу затронутые в книге вопросы. Центральный вопрос, к которому книга подводит, это — как продолжать еврейскую национальную революцию, в которую еще будут вовлечены миллионы — одни стихийно, другие против воли, и только немногие — с полным сознанием.

Я не только не обижаюсь, но был бы доволен, если бы Вы Вашу критику облекли в форму статьи, скажем, в «Р<усской> Мысли», ибо это дало бы мне возможность формулировать мою позицию, мое место в сионизме в ответ на оценку Вашу и других, более благожелательных к Сролику, критиков (статья П. Замира [9]) и самому сказать, что нужно об этой книжке. Но, м<ожет> б<ыть>, лучше подождать, как отзовутся русские — нееврейские — читатели этой книги. Одно, очень интересное письмо, я на днях получил.

Пока — всего доброго!

Е<ва> Е<фимовна> была 2 недели больная, но уже оправляется. И Вам сердечно кланяется.

Ю. М<арголин>

PS Перечтя В<аше> письмо, я заметил, что Вы как будто ставите мне в упрек, что я пишу для чужих, не считаясь, что это «для внутреннего употребления»... Поверьте, что я помню об этом, ... но если бы я не писал «от сердца», то превратился бы в простого пропагандиста, которому грош цена. Поэтому и не хотят меня любители пропаганды в разных партиях.

1. В более точном виде это место в книге выглядит так:

Историческая диалектика создает видимое противоречие между силами, которые равно необходимы для целого и разными путями стремятся к общей цели. Но в те годы никто не был ни достаточно великодушен, ни настолько дальновиден в сионистском движении, чтобы признать эту взаимозависимость в противоречии (Ю. Марголин, *Еврейская повесть*, Мааян, Тель-Авив 1960, с. 163).

2. Имеется в виду кн.: J. Kimche, D. Kimche, *Both Sides of the Hill: Britain and Palestine War*, Secker & Warburg, London 1960.

3. Имеется в виду книга жившего в Палестине английского журналиста Д.Р. Элстона (D.R. Elston), писавшего под псевдонимом Давид Кортни (David Courtney) *No Alternative: Israel Observed*. (Hutchinson, New York–London 1960), в которой изложен взгляд на деятельность Иргуна с позиций британской администрации. Так, рисуя портрет Бегина, Элстон пишет:

I suppose terrorists are pretty much the same the world over. I have found them to be quiet, unobtrusive men as a rule, except, of course in their profession; but it has been the quiet and unobtrusiveness of men who are not modest, but put themselves above the average. Menahim Begin, top leader of the biggest terrorist organization in Palestine, was no exception in those days. After the setting up of the State, when he became leader of a recognized political party, he opened out, set aside his quiet and unobtrusiveness and became a noisy politician. In the years between 1945 and 1948 he organized the terrorist movement, known as the *Irgun Zvai Leumi*, familiarly the I.Z.L., or *Ezel*. It was responsible for ambush, murder and sabotage, and its proudest and most dastardly act was the blowing up, one summer's noon of 1946, of the south wing of the King David Hotel, which housed the Mandatory Administration's Secretariat. Ninety-one innocent persons were killed, forty-five injured.

Menahim Begin is a small man, not so slim as he may once have been. He is gracious enough in manner, eloquent in speech, courteous and good-humoured in argument. He has little charm. His brown eyes have no expression of fervour. He is quick, almost bird-like in movement, and in conversation his words come easily, but with the tone and gestures of sincerity. There is little about him words come easily, but with the tone and gestures of sincerity. There is little about him to suggest leadership, although now and then, when rubbed by emotion, he gives off a spark of fire. Normally he looks like what he pretended to be in the years of terrorism: an import-export agent of no special distinction or prosperity.

On one occasion as we sat together in the restaurant of the Knesset, Begin said:

"Of course terrorism has to be cruel. War is cruel. If an enemy tries to occupy your country you go to war against him. We Jews could not go to war in the conventional, professional way you went to war against the Germans. So we did it in the only way that was open to us. But it was war all the same. It was the kind of war the resistance movements in Europe fought against the Germans. No difference at all. You called us terrorists. But that was only a manner of speaking".

One could have argued, of course. Perhaps one should have argued. But argument is idle with people like Menahim Begin. Terrorists do not change

their point of view. The terrorist reaches a conclusion and never moves from it. Those who think differently are lesser men and their arguments mere childishness. The terrorist leader would never think of questioning his own judgement (с. 33–34).

4. Einfühlung — сочувствие (нем.)

5. ein armer Judenjunge — бедный еврейский мальчик (нем.).
Несколько странно, что довольно устойчивый и обиходный речевой оборот Марголин закрепляет за каким-то индивидуальным источником (в данном случае — за провозвестником Der Judenstaat — Еврейского государства, Теодором Герцлем), разумеется, не являющимся таковым.

6. Херут — свобода (*иврит*); политическое движение (впоследствии — партия), основанное в июне 1948 г. членами ЭЦЕЛ (см. о нем выше) с целью превратить подпольную организацию в парламентскую партию. Основателем и лидером этого движения, а затем руководителем партии явился Менахем Бегин. В том же 1948 г. возник одноименный орган печати, в котором Марголин опубликовал ряд своих статей.

7. Рукопись *Еврейской повести*, написанной первоначально на иврите, вызвала резкое неприятие у тех, кто заказал книгу Марголину: выведенный им образ главного героя не пришелся по вкусу его «товарищам по оружию», — о ее публикации на языке оригинала не могло быть и речи. Реакцией Марголина на возникшую ситуацию стало его не предназначавшееся для печати письмо, названное *Le-yadidei Israelik* (*Друзьям Исраэлика*), обращенное к друзьям Исраэля Эпштейна. В нем, в частности, говорилось:

10-го ноября 1957 пришли ко мне трое из «круга друзей», заказавшего у меня эту книгу, и сказали, что после знакомства с рукописью и размышлений над ней, у них сложилось общее отрицательное впечатление, и они против того, чтобы ее печатать. Причина не в том, что книга плоха с литературной точки зрения, дело в том, что я не понял Исраэлика, что «мой подход ошибочен» что «в книге Исраэлика нет». Другими словами, случилось то, что случается иногда, когда заказывают картину у художника, а не у фотографа. Заказчик в панике от того, что получил, говорит о том, что «нет сходства», и отказывается принять картину. Делать нечего. Я прошу простить, что разочаровал вас. Я сделал все, что мог, чтоб избежать этого. Я предупредил вас заранее, что мой подход будет очень личным².

Парируя критику Вишняка, Марголин, по существу, приводит те же аргументы, которые уже прозвучали в его письме *Le-yadidei Israelik*.

Позднее, отвечая на звучащую почти со всех сторон критику *Еврейской повести*, Марголин в статье, озаглавленной *О чем 'Ев-*

² Перевод с иврита Миши Шаули.

рейская повесть и напечатанной в «Новом русском слове» (1961, № 17604, 21 мая, с. 8), пытаюсь как «нераскаянный автор» напрямую объяснить с читателем, публично вставал на ее защиту.

Не принято, чтобы автор сам представлял читателям свою книгу, — так начиналась его статья. — Это задача критиков... но часто бывает, что автор принужден взять слово в защиту своего произведения, как мать, которой дорог каждый, даже самый неказистый ее ребенок. Моя *Еврейская повесть* нуждается в защите от нападок и еще больше от равнодушия, которое хуже открытой враждебности.

И далее шло изложение причин, почему законченный на иврите манускрипт не увидел печатного станка:

Заказчики отшатнулись от книги, нарушившей принятый партийный шаблон. Они были готовы предоставить мне некоторую дозу свободы, но не в такой степени. Мне полагалось изобразить моего героя безупречным образцом всех патриотических добродетелей, без проблем и сомнений, без теней и слабостей, тверже стали и мягче шелка, богатырем вроде Ари бен-Ханаана из модного романа³. Но я не пишу книг для детей старшего возраста. И то, что я написал, шокировало моих честных и неискушенных литературно заказчиков, ожидавших саги, героической легенды, венца вокруг головы их товарища, книги, написанной в позе абсолютного поклонения.

В этой статье, между прочим, — в форме завуалированной от читателей, — имелся намек на впечатление, которое произвела *Еврейская повесть* на Вишняка и тех, кто разделял его позицию, и одновременно подчеркивалось ее негативное восприятие противоположным по идейным взглядам лагерем:

Кроме удовлетворения, вызванного самим фактом ее появления, *Еврейская повесть* доставила автору немало огорчений. В ней отдана дань Вл. Жаботинскому и воспитанной им молодежи, — этого было достаточно, чтобы в определенных кругах признали ее «фракционной пропагандой» и «агиткой». Но, с другой стороны, люди, взявшие себе право говорить от имени израильского национализма, отбросили ее не менее решительно, — «обеими руками», как пишет мне некто, обвиняющий меня в том, что я оскорбил память Исраиля Эпштейна и извратил его образ.

И подводя в конце статьи итоговую концептуальность своей книги, которая оказалась «чужой среди чужих» и «чужой среди своих», Марголин писал:

Тема *Еврейской повести* — трагизм еврейской судьбы в наше время. Шквал на море, а это суденышко идет наперерез волнам. Выдержит ли?

³ Марголин имеет в виду героя романа Леона Юриса *Exodus*, см. далее в статье и прим. 6 к следующему письму.

Мои критики обвинили меня, что я принизил идеальный образ героя, написав о «мятеже, который споткнулся в полдороге». Однако Сролик, во всей своей бедности и нелепости своей смерти, кажется мне прекраснее напыщенного и никогда в жизни не существовавшего Арии бен-Ханаана из *Экзодеса*. Жизнь не голливудский цветной фильм. Тема: как продолжать то, что начато, не впадая в мегаломанию и мелодекламацию.

8. «plus Marai que Marai — быть <партией> Мапай больше, чем сам Мапай» — перефразировка известных выражений «быть святее папы римского», «быть бóльшим роялистом, чем сам король».

9. Речь идет о рецензии на марголинскую *Еврейскую повесть* П. Замира, которая первоначально была напечатана в парижской «Русской мысли» (1960, № 1624, 31 декабря, с. 6), а затем, в переводе на иврит, перепечатана в тель-авивской газете «Naboker» (1961, № 7739, January 6, с. 5). В ней, в частности, говорилось:

Памятник, который поставил Марголин своей книгой Израилу Эпштейну, в корне отличен от того, который в Рамат-Гане поставлен другому герою еврейского «резистанса» — Дову Грунеру. Там, в скульптуре Ханы Орловой металл и геральдические львы, но нет человеческого лица. Тогда как в книге Израиль Эпштейн показан человеком, как все, — и именно в этой его человечности и простоте его очарование и убедительность его жертвы.

Следует, кстати, указать еще на один отзыв на *Еврейскую повесть*, принадлежащий Юрию Терапиано, который в своей постоянной рубрике *Новые книги*, помещенной на той же газетной странице, что и рецензия Замира, писал:

Юлий Марголин нашел простые и убедительные слова для того, чтобы рассказать о жизни Израила Эпштейна, о его переживаниях и, наконец, о его гибели.

Но, несмотря на то, что эта книга является повестью о жизни и гибели одного человека, главным героем в ней является собирательная личность, включающая в себя всех товарищей и подруг Эпштейна и их вождя З. Жаботинского.

А над всем этим сияет вера в достоинство человека и невозможность мириться с унижением и угнетением человеческой личности.

11

Вишняк — Марголину
Нью-Йорк — Тель-Авив
19 марта 1961 [1]

19.3.<19>61

Дорогой Юлий Борисович!

На этот раз у меня к Вам два дела.

Первое касается Вашего возможного приезда. Мартовские Иды прошли [2], и я, как было условлено, запросил своего б<ывшего> собеседника. Тот взял карандаш и стал задавать вопросы: названия Ваших книг? на каком языке могли бы читать доклады? Знаете ли о положении евреев в СССР больше, чем знает Соломон Шварц? [3] С какой партией или организацией связаны в Израиле? В каких органах пишете?.. Может быть, были и другие вопросы. Ответил на все по мере разумения, не лукавя, но с явной тенденцией лучше набавить, чем убавить стоимость «товара».

Вердикт был: имеются два лица, с которыми надлежит снестись. Уверенности в благоприятном решении не может быть, но некоторые шансы имеются. Вы можете усмотреть некоторое несоответствие между тем, что я сообщал Вам раньше и сообщаю теперь. Не относите этого на мой счет: я передал и передаю точно то, что мне было сказано. Собеседник обещал меня известить, когда вопрос выяснится. Будем ждать.

Теперь о другом, совсем другом и менее невинном. Выслушайте меня спокойно.

Я — и не только я, а и другие евреи — был крайне поражен (и это слово только приблизительно передает мою внутреннюю реакцию), прочитав Ваш Блокнот в «Н<овом> Р<усском> С<лове>» от 17 марта [4]. И поразило меня не столько то, что в нем Вы сказали, а то, как Вы приписываете (на мой взгляд, «облыжно») «Тайму», что он «гнет свою линию» под видом «объективности» и «чистой информации» [5].

В качестве как будто *единственного* свидетельства его «недобросовестности» Вы ссылаетесь на № журнала от 10 марта — на номер, который Ваши читатели никогда не видели, а если и видели, то вряд ли его помнят и вынуждены положиться на Ваши заверения, что «Тайм» говорит «от своего и чужого мнения столько неверного», что Вам даже стало «обидно за читателей» — не то Ваших, не то «Тайма» (как и многое другое, это остается неясным). Свой оскорбительный (и наносящий моральный и материальный ущерб) отзыв Вы не подтверждаете *никакими фактами*, довольствуясь голословным заявлением. Ваши слова «ни суд, ни израильский кабинет этим делом не занимались» в лучшем случае загадочны, в худшем же — совершенно не соответствуют действительности: этого «Тайм» никогда не утверждал, а наоборот, много раз описывал, как израильский суд и кабинет, занимаясь этим делом (Лавона), приходили то к одному решению, то к другому.

Это — о том, как Вы информируете своего читателя. Теперь о существовании Вашей информации.

Что именно Вы считаете «хитрой» информацией «Тайм», «неверным», — так и остается невыясненным. Может быть, упоминание о плане взрыва американских учреждений, посольства и прочее в Каире и Александрии?.. Но ведь об этом воробьи на всех крышах прочирикали, и с гораздо большими подробностями, и не желтая только пресса, но хотя бы парижский *Экспресс*. В чем же криминал «Тайма»? Возможно, что эта версия неверна, но тогда надо это опровергать, а не пользоваться этим частным случаем для обобщения приписываемого журналу правонарушения.

Ваше право не одобрять и осуждать «Тайм» (как и я его за многое осуждаю, — в частности, иногда и за отношение к евреям: например, в отзыве о постановке здесь *Экзодюс* [6]), как и Ваше право предпочитать Бен-Гуриона Лавону и даже считать всё «дело» «не стоящим выеденного яйца». Но «Тайм» имеет такое же право не разделять Вашего мнения. Поделюсь с Вами, кстати, редакционной тайной. Судья Кон [7] (один из двух, разбиравших дело Лавона еще при Шарете) прислал «Тайму» выражение полного одобрения тому, как журнал информировал о деле Лавона. Правда, потом пришел полуприличный протест от военного министерства (за которым стоял, конечно, Бен-Гурион). Мы ему ответили. Но всё это происходило в частном порядке, а Вы сочли возможным и, очевидно, нужным — вынести это наружу, на улицу.

Раздумывая, как могли Вы так написать, я подумал: а может быть, это Вейнбаум Вас так обкорнал [8]. Он сам ведь не раз, и всего неделей раньше, когда писал о Лаосе, с полным сочувствием и доверием цитировал информацию «Тайм» [9]... Но я откинул это предположение, зная, как он относится к Вашим писаниям.

Прежде чем говорить о Вашей статье с теми, кому в «Тайм» ведать о ней надлежит, я бы хотел услышать Ваше объяснение: что именно Вы имели в виду, когда писали свою статью так, как ее написали. В чем криминал и что Вы инкриминируете «Тайму» в общем виде и конкретно?

Ваше сообщение о Иосифе Бергере исключительно интересно [10].

М. Вишняк

Обнимаю Вас и кланяюсь Еве Ефимовне

1. Отпечатано на машинке.
2. *Мартовские иды* — 15 марта; этот день вошел в историю убийством в 44 г. до н.э. Гая Юлия Цезаря.
3. Соломон Меерович Шварц (собств. Монозон; 1883–1973), общественно-политический деятель, участник революционного движения в России (меньшевик), литератор. В это время жил в эмиграции США.
4. Имеется в виду статья Марголина, напечатанная в его традиционной рубрике *Тель-Авивский блокнот*, которую он на протяжении многих лет вел в этой газете, см. «Новое русское слово» 1961, № 17539, 17 марта, с. 3.
5. Как уже было сказано во вступительной заметке, Вишняк на протяжении ряда лет был сотрудником иностранного отдела американского журнала «The Time». Правда, ко времени написания этого письма он уже более трех лет как оставил службу в журнале, см., например в его письме Борису Зайцеву от 25 января 1958 г.:

Что сообщить о себе?.. Прошел благополучно очередной возрастной — 75-летний — барьер. Одновременно закончилась и моя 11,5-летняя служба и работа в «Тайм». Хотя за мной сохранено звание «советника по русским делам», — и я продолжаю (?) даже дважды в неделю посещать «Тайм» — это уже суррогат, совсем не то, что было («Марк Вениаминович Вишняк — корреспондент Бориса Константиновича Зайцева (к публикации писем 1955–1972 гг.)». Подг. текста, предисл. и коммент. А. Клементьев, *Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе*, т. I (VI), сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский, Иерусалим <б/и> 1998, с. 248).

6. Всемирно известный роман американского писателя еврейского происхождения Леона Юриса (Leon Uris; 1924–2003) *Exodus* (1958), в центре повествования которого борьба за создание Государства Израиль, в 1960 г. был экранизирован (реж. Отто Премингер).

7. Хаим Герман Кон (Haim Herman Cohn; 1911–2002), израильский юрист, политический деятель.

8. Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973), редактор «Нового русского слова».

9. Речь идет о статье Марка Вейнбаума *Коммунистическая агрессия в Лаосе*, напечатанная в «Новом русском слове» не неделей, а двумя днями раньше (№ 17537, 15 марта, с. 3); в ней автор ссылался на корреспондента «Тайма» Джеймса Вайдла.

10. Иосиф Михайлович Бергер-Барзилай (собств. Исаак Железняк/Желязник; 1904–1978), один из основателей и секретарь палестинской коммунистической партии. За свое рьяное служение коммунистическим идолам был в 1935 г. арестован

в Москве и до 1951 г. провел в советских тюрьмах и лагерях, после чего осужден на вечное поселение в Сибири. После смерти Сталина освобожден и в 1956 г. вернулся в Израиль. Описал свою лагерную эпопею в кн.: *Shipwreck of a Generation: The Memoirs of Joseph Berger*, Harvil, London 1971.

В своих статьях Марголин рассказывал о судьбе Бергера-Барзилая неоднократно: впервые поведав о нем в 1946 г., только-только оказавшись на свободе, в письме, рассказывавшем о советском «правопорядке», направленном в нью-йоркский идишский «Forwerts» и напечатанном там; в переводе на русский язык это письмо было перепечатано издававшимся в США еженедельником «Социалистический вестник» (1946, № 12 (592), 27 декабря, с. 275–78)⁴; см. также его статью *Уроки прошлого* («Новое русское слово», 1963, № 18277, 25 марта, сс. 2–3).

12

*Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
13 апреля 1961 [1]*

Тель-Авив, 13 апреля <19>61
Дорогой Марк Вениаминович,

Вернувшись из Иерусалима, где был 11–12 <апреля> на процессе Эйхмана [2], — и 17–го снова там буду — я нашел В<аше> письмо от 5–го <апреля>. Насчет моего приезда в США — дело, к сожалению, обстоит так: здоровье моей жены и другие домашние обстоятельства не позволяют мне в этом году отлучиться на продолжительное время за границу. И даже мой предполагавшийся вылет в Рим или Париж для свидания с сыном осенью вряд ли состоится [3]. Увы, наши дела в этом году во всех смыслах не блестящи... но лишь бы хуже не было. Так что извините, если Вас потревожил, и приостановите движение.

⁴ Высылая автору оттиск его письма-статьи, редактор «Социалистического вестника» Рафаил Абрамович писал ему 22 января 1947 г. (The Central Zionist Archives, Jerusalem). A 536, folder 30): Многоуважаемый д-р Марголин, из прилагаемого номера «Социалистического» Вестника Вы увидите, что, с разрешения г. Спектора, мы перепечатали В<аше> письмо из еврейского «Форвертса». Без комплиментов должен сказать, что В<аше> письмо, по общему признанию, произвело огромное впечатление и несомненно оказало большую пользу делу разоблачения сущности советской системы. К сожалению, пока еще не удалось провести его через английскую прессу, может быть, потому, что по неопытности инициаторов с самого начала совершили несколько технических промахов.

К истории с Лавоном не стоит возвращаться, она как будто кончена. Не стану с Вами спорить, скажу только, что предметом судебного разбирательства вопрос «подлога» не был, — и в протоколах заседаний правительства не значится. За будущее ручаться трудно. Выборы могут снова — на время — раздуть это потухший уголек. Раздувает его главным образом г. Бегин. На днях он пригласил в Шератон отель *тысячу* адвокатов, инженеров и врачей (свободные профессии) и держал пред ними речь о деле Лавона, с его точки зрения. Жаль, что Вас там не было. Это была генеральная атака на Бен-Гуриона. С другой же стороны, как говорят, главный «подделыватель» Джибли пишет целую книгу в защиту своей чести и в ответ обвинителям [4].

Теперь, конечно, все заняты процессом Эйхмана. Этот процесс — целиком заслуга (или грех, по мнению некоторых) Бен-Гуриона. Я, напр<имер>, никогда не решился бы дать приказ приволочь его с чужой территории силой. Для этого нужен нрав и бесцеремонность, которые в других обстоятельствах могут, конечно, привести к беде.

Кстати, на первом заседании суда были заняты все места для дипломатов (60 мест). Пустовали единственно кресла Сов<етского> Союза, Британии и Соед<иненных> Штатов. <от руки:> (Подумайте, какое трогательное согласие!)

С приветом сердечным, также и от Евы Ефимовны —
Ю. М<арголин>

1. Отпечатано на машинке.

2. Отто Адольф Эйхман (Otto Adolf Eichmann; 1906–1962), нацистский военный преступник, начальник отдела в Главном управлении немецкой имперской безопасности, непосредственно отвечавшего за преследование, изгнание и депортацию евреев. В мае 1960 г. израильская разведка Мосад похитила Эймана в Аргентине, где он скрывался после Второй мировой войны, и доставила в Израиль. 11 апреля 1961 г. над ним начался судебный процесс, в ходе которого выступило множество свидетелей, переживших Холокост. Средства массовой информации всего мира внимательно следили за ходом процесса. Марголин посвятил ему несколько своих статей-репортажей. В результате судебного разбирательства, которое продолжалось в течение года, Эйхман был приговорен к высшей мере наказания и в ночь с 31 мая на 1 июня 1962 г. повешен.

3. Эфраим Марголин (1926), сын Марголина; предприниматель, филантроп, общественный деятель.

4. Биньямин Гибли (Binyamin Gibli; 1919–2008), израильский военный деятель, руководитель военной разведки. Разработанная им в 1954 г. диверсионная операция в Египте окончилась полным провалом, см. прим. 7 к письму № 9. В ходе разбирательства, которое получило название «дело Лавона» и тянулось много лет, Гибли и Лавон обвиняли друг друга: первый утверждал, что действовал по приказу министра обороны, второй же это отрицал, говоря, что приказа не было и Гибли действовал за его спиной. В итоге 7 марта 1955 г. Гибли был уволен из армии.

13

*Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
16 января 1962 [1]*

16.1.<19>62

Дорогой Марк Вениаминович,

рад был получить от Вас весточку.

Разумеется, мое не столько предложение, как пожелание, чтобы отложить казнь Эйхмана исполнением ад инфинитум [2], совершенно нереалистично и нежизненно, как Вы и пишете. Я это понимаю. Здесь меня бы заклевали, если б я это напечатал... и печатать такое негде. Это всего лишь мысль моя, но я ведь не один... Не только Мартин Бубер [3], но и многие местные «сабры» [4], молодежь, как явствует из анкеты «Джуразалем Пост» (еще до вынесения приговора), были готовы удовлетвориться пожизненным заключением Э<йхмана>.

Что касается меня, то я испытываю непреодолимое и органическое отвращение — кроме всего прочего — к повешению как роду смертной казни. Процедура и смертная мука лишасяемого жизни отвратительны. Меня самого чуть не задушили бандиты в камере пересыльной тюрьмы в Вологде в 1944 году. Уж если решили убивать, то расстреливайте, и без «церемониала», по-большевицки: пулю в затылок, чтоб и до сознания не дошло. В тот момент, когда надели петлю и спустили в люк (чтоб самим не смотреть — деликатные!) — уже нет преступления, только тело, физиология и страдание человека.

Это бесконечно противно. А самое противное — свистопляска кругом и улюлюканье. З. Гиппиус написала: «в молчании

повесим» [5] — сладострастие этого стиха чувствуете? У нас и молчания никакого нет: митинги, собрания, плакаты, требования: «*Повесьте его, непременно повесьте!*» И я уверен, что 90% этих кричащих и домогающихся — будь они немцами в 30-е годы и позже — пошли бы за Гитлером, да и сейчас среди них довольно сталинцев.

Дело не в сохранении жизни Эйхмана, а в том, чтобы этим любителям виселицы сказать: сволочи вы!

Надо защищаться в навязанной войне, тогда методы и средства войны навязываются врагом, и выбора нет. Но суд и распоряжение судьбой преступника — тут мы свободны. И если бы возможно было такое невероятное событие, как неповешение осужденного, это, понятно, не превратило бы массу орущих в святых, но в известном смысле дало бы им по морде. Вы видите, мой «гуманизм» не лишен агрессивного аспекта.

Крест был римской виселицей, но после распятия галилейского проповедника христиане больше не распинали. Крест как орудие казни был опрокинут Голгофой (это не много помогло). У нас здесь кто-то предлагал в печати построить специально для Эйхмана газовую камеру. Мое же чувство такое, что после мученичества наших близких, после нашей Голгофы никакой виселицы, никакой газовой камеры евреи строить не должны из уважения к памяти своих замученных.

Самый обычай вешания надо вывести, как вывели распинание, а до того — людоедство. Вы бы видели, как в зале суда после вынесения приговора один известный журналист жмурился от наслаждения и направо и налево поздравлял: «хаг самейах!», «с праздничком вас! с праздничком!» Люди эти при всех своих талантах и заслугах — дрянь, и до скончания веков они будут вешать, и их будут вешать... если стать им поперек дороги.

Надо принять <во> внимание и жалкое поведение Эйхмана на суде. Если бы он, как Гитлер в бункере или Геринг на суде — стал в позу геройскую и вел себя вызывающе, — это сделало бы невозможным и такое отношение, как мое, <потому> <что> он продолжал бы войну на самом суде. Но он, как червяк, извивался, а давить червяков противно.

<далее от руки:> Вот я и расписался неожиданно... Обнимаю Вас, дорогой М<арк> В<ениаминович>, и будьте здоровы. Привет от Е<вы> Е<фимовны>.

Ваш

Ю. Марголин

Меир Гроссман [6] вышел из «Вестника» Израиля», не желая подчиняться цензуре и хозяйничанию м<инистрства> ин<остранных> дел», превратившего «Вестник» Израиля» в свой «информационный бюллетень» [7]. Редакторствует — Евзеров [8]. Мое же отношение, что «на безрыбье и рак рыба». На независимый и «настоящий» журнал — нет денег.

1. Отпечатано на машинке.

2. *ad infinitum* (лат.) — до бесконечности, без установленного предела; здесь: пожизненное заключение.

3. Мартин Бубер (Martin Buber; 1878–1965), еврейский философ.

4. Сабра (*иврит*) — букв. кактус; так — за жизнестойкость и колючий нрав — называют в Израиле родившихся в этой стране.

5. Марголин цитирует стихотворение Зинаиды Гиппиус *Песня без слов* (1919):

Как ясен знак проклятый
Над этими безумными!
Но только в час расплаты
Не будем слишком шумными.

Не надо к мести зовов
И криков ликования:
Вережку уготовав —
Повесим их в молчании.

6. Меир Гроссман (1888–1964), журналист, сионистский деятель.

7. «Вестник Израиля» — русскоязычный ежемесячный журнал (1959–1963), возникший как пропагандистский орган, рассчитанный на распространение в Советском Союзе и, благодаря группе талантливых авторов, боровшийся за расширение и углубление своих идейных задач. Марголин был постоянным сотрудником этого журнала, в котором печатался и Вишняк, см. письмо № 15. После ухода Гроссмана редактором журнала стал Александр Эйзер (Александр Евзеров), см. следующее прим.

8. Александр Эммануилович Евзеров (в Эрец-Исраэль/Израиле: Алекс Эйзер; 1895–1973), журналист, редактор, организатор торгового и промышленного хозяйства в Палестине, общественный деятель. См. о нем: В. Хазан, *Особенный еврейско-русский воздух: К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке*, Гешарим–Мосты культуры, Иерусалим–Москва 2001, сс. 372–374.

14

Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
17 марта 1962

Тель-Авив, суббота, 17 марта <19>62

Дорогой Марк Вениаминович,

Откликнусь, хоть с опозданием, на Ваше письмо. В этот четверг будут разбирать апелляцию Эйхмана, исход которой не оставляет сомнения. Что касается Бен-Цви, то он в прошлом году разобрал 655 обращений к нему о помиловании — в 6<-ти> исполнил просьбу, в 89<-ти> — смягчил наказание, а в данном случае вряд ли использует свои права [1]. Будучи, как и Вы, всего лишь «трехмерным» человеком, я не думаю, что долголетнее ожидание смерти хуже самой смерти. Человек ко всему привыкает, и мы это знаем по себе, будучи присуждены: живем все, не зная своего срока. Моя потребность возмездия вполне была бы удовлетворена пожизненным пребыванием Э<йхмана> в израильской тюрьме. Иначе бы я отнесся к Гитлеру и его «инициативной» группе... но этот ведь показал себя на процессе полным ничтожеством... Надо сказать, что думаешь — хотя понимаю, что для «общественного мнения» это неприемлемо: евреям надо доказать себе и всему миру, что они тоже умеют вешать по приговору суда. Вот и докажут... Факт — что спустя 20 лет и *post factum*, не нахожу в себе никакой «жаркой ненависти» к этому человеку, а только отвращение — ошеломление — и жуть при мысли, что «Эйхман» сидит в человеческой природе (а не только в нашей эпохе, хотя она ему особенно широко открыла поприще).

Ну, Бог с этим. А все-таки хотя мы с Вами спорим о том и сем, чувствую ту общность между нами, которой нет у меня с людьми и разделяющими мои мнения.

Всегда рад, когда приходит от Вас письмо...

Сердечно Вас приветствуют и всех благ желают Ваши друзья Ю. и Ева Марголины

PS Помните, как Вы за меня «ходатайствовали» пред Шазаром? В феврале, наконец, вызвали меня в Сохнут и предложили... такие сокращения текста моей рукописи (*Повесть тысячелетий*) и сведение ее к обрубку, что я немедленно объявил свое «вето» и сообщил письмом, что не считаю

себя больше связанным нашим договором. И вот у меня на руках *Очерк еврейской истории*, который мне стоил 16 месяцев работы, оплаченной ими, но издать его я смогу лишь под условием, что верну им уплаченные мне деньги. Где найти издателя? [2]

1. Президент Израиля Ицхак Бен-Цви ожидаемым образом апелляцию Эйхмана отклонил.

2. См. прим. 13 к письму № 7.

15

*Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
22 декабря 1962*

Тель-Авив, 22 декабря 1962

Дорогой Марк Вениаминович,

Вы меня очень обрадовали своим письмом... И как раз пришло оно в то время, когда я дописывал статью о Брате Даниэле для «Нового Русского Слова» [1]. Статья эта опоздала, потому что я теперь загружен работой — делаю «черную работу» для заработка в «Вестнике» Израиля [2] и еще кое-где... Это чисто газетная возня, надо готовить и обрабатывать сырой материал для печатания, без имени и без ответственности, но она берет всё время, так что для некоторых своих работ не остается свободного часа. А мы уж не так молоды, вечером устаешь, и кой-что остается несделанным, ненаписанным. В Мюнхене теперь стали переводить, к моему удивлению, *Путешествие в страну Зека*, я получаю на просмотр главы перевода, и то задерживаю... [3] Вас же, дорогой Марк Вениаминович, мы не забываем, статья о Х. Вейцмане в «Вестнике» была украшением номера, по всеобщему мнению [4]. Не могу ли я что-нибудь сделать, чтобы Вы вернулись в «Новое Русское Слово»? Написать Вейнбауму, что Ваше там отсутствие просто не подходит газете. Пока — будьте здоровы, крепки духом и примите мои и Евы Ефимовны самые сердечные пожелания к Новому году.

Ваш всегда

Ю. Марголин

1. См. прим. 9 к следующему письму.
2. См. прим. 7 к письму № 13.
3. Хлопоты о переводе *Путешествия в страну Зе-Ка* на немецкий язык Марголин начал сразу по выходе книги в издательстве им. Чехова. Одним из тех, кого он попросил «навести справки», был живший в Германии эмигрант второй волны Юрий Трубецкой (наст. фам. Нольден; 1898–1974). В ответном письме от 13 ноября 1953 г. Трубецкой писал:

Охотно — когда буду в Мюнхене, — а я там изредка бываю — наведу справки относительно издания Вашей книги на немецком языке. Переводчики там тоже найдутся, если Вы сами не можете или не хотите переводить (Central Zionist Archives (Jerusalem). A 536/29).

Мы не располагаем сведениями, насколько Трубецкой оказался полезен в этом деле, но, как видно по результату, книга была переведена на немецкий язык и издана в Германии, см. J. Margolin, *Überleben ist alles. Aufzeichnungen aus sowjetischen Lagern*, München 1965⁵. Ее переводчицей была политолог Вера Александровна Пирожкова (1921–2013), которая в годы Второй мировой войны сотрудничала в профашистской газете *За родину*, издававшейся в оккупированном немцами Пскове; после войны жила в Мюнхене, где в 1951 г. защитила в Мюнхенском университете диссертацию по творчеству Александра Герцена, многие годы проработала там как профессор политологии; редактировала и издавала журнал «Голос зарубежья»; в 1992 г. вернулась в Россию. См. ее воспоминания: В. Пирожкова, *Потерянное поколение*, СПб., «Нева» 1998.

4. Имеется в виду статья Вишняка Хаим Вейцман (*Опыт характеристики*) («Вестник Израиля» 1962, № 36, ноябрь–декабрь, сс. 7–10), к которой примыкал еще фрагмент *Жизненный путь Вейцмана* (сс. 11–12) из книги Вишняка о нем, вышедшей в Париже в 1939 г.

⁵ Более полный перевод осуществлен в недавнее время: J. Margolin, *Reise in das Land der Lager / Aus dem Russischen von Olga Radetzka*, Suhrkamp Verlag, Berlin 2013.

16

Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
23 января 1963 [1]

<23.I.1963> [2]

Дорогой Марк Вениаминович —

Хитрый еврей Гершон Свет [3] сразу сообразил, в чем дело: 14 января утром я получил номер «Русской Мысли» (воздушной почтой) и, прочтя, что «14 января...», т.е. сегодня, сейчас, сию минуту! — Вы именинник [4], помчался, не долго думая, на почту. Это было у меня импульсивным движением ног и всего существа. Ида Тумаркина [5] прислала мне и вырезку из «Н<ового> Р<усского> С<лова>» со статьей Аронсона [6]. Неожиданным ее появление могло быть только для Вас. Для меня и прочих Ваших друзей неожиданным и странным было бы, если бы этой статьи не было [7], — Ваше «двойное» письмо получено и доставило нам с Е<вой> Е<фимовной> большую радость. Очень сожалел, что не успел к сроку Вас поздравить Мих. Исаевич Клявер, старый эсер, который теперь заменяет покойного Злотникова на посту редактора Бюллетеня китайских, т.е. дальневосточных евреев в Израиле [8]. Послали ли Вам номер Бюллетеня с авто-некрологом Злотникова? — Я проверю. Теперь я им тоже немного помогаю на правах «почетного китайца».

Что касается стенограммы суда по делу о. Даниила [9], то я было сунулся, но это чересчур сложно. А тем временем газеты сообщили, что в виду большого интереса, проявленного за границей к этому процессу, министерство издает по-английски полный текст судебного приговора — значит и с особым мнением диссидента Хаима Когена [10]. Думаю, что Вас устроит, и как только появится в продаже, вышлю Вам [11].

Волноваться же в связи с этим совершенно не стоит, а тем более, как Преосвященный Иоанн С<ан->Ф<ранцисский>, заламывать руки над Даниилом во рву львином [12]. Он себя неплохо чувствует в Израиле, всем евреям не хуже... Часы истории идут, иногда бегут, иногда опаздывают, можно написать об этом статью, но не нам с Вами регулировать их движение, тем более — ускорять. <Далее от руки:> (Все сравнения хромают, и это тоже.)

Еще раз Вас поздравляем и желаем благоденствия и покоя душевного.

Ваши Марголины

1. Отпечатано на машинке.
2. Дата устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.
3. Гершон Свет (1893–1968), журналист, музыкальный и художественный критик; до 1948 г. жил в Эрец-Исраэль, после чего перебрался в США.

4. Марголин имеет в виду номер «Русской мысли» от 12 января (№ 1942, с. 3), в котором под единым заголовком *Правда большевизма* были помещены две статьи — *К 80-летию М.В. Вишняка* Глеба Струве и *Русский демократ* редактора газеты С. Водова.

В своих воспоминаниях Вишняк рассказывает об одном эпизоде во время его чествования в связи с 80-летним юбилеем в нью-йоркском ресторане:

Восьмидесятилетие мое было отмечено не только в печати. Родные, друзья и близкие знакомые решили отпраздновать его в небольшом кругу за обедом в ресторане на Сентрал-парк Авеню с шампанским и речами. Памятным оно осталось для меня именно тем, что было сказано в кратких речах. Покойный Г.М. Свет, огласив приветствие, присланное «Русской мысли», прибавил от себя: восемьдесят лет — возраст, когда время подводит «счет» прожитой жизни, «хешбон нефеш», как называют это евреи. И вот я сказал бы Марку Вишняку: если он такой «хешбон нефеш» произведет, он найдет, что всю жизнь прожил, руководствуясь интересами русских рабочих и крестьян, которые его не понимали и были ему чужды, что и показало Учредительное Собрание. Оставшиеся годы жизни Марк Вишняк должен, на взгляд оратора, посвятить своему народу, Израилю.

Эти слова стали темой всех последующих «слов» — согласных и несогласных с оратором и, в частности, того немного, что я думал и сказал, не соглашаясь с покойным приятелем ни фактически, ни по существу. Учредительное Собрание «не удалось» не потому, что русские рабочие и крестьяне его не поддержали — наоборот, рабочие и, особенно, крестьяне, не поддержали правящую партию большевиков, и потому Учредительное Собрание и просуществовало всего 17 часов. Что же касается меня лично, мне меньше всего пристало жаловаться на «русских рабочих и крестьян». Именно они избрали меня своим депутатом в Учредительное Собрание по обоим избирательным округам, по которым партия социалистов-революционеров наметила меня своим вторым кандидатом в Учредительное Собрание. Большинство же делегатов Учредительного Собрания избрало меня его секретарем. Поэтому Учредительное Собрание никак не может служить доводом в пользу того, что русские рабочие и крестьяне меня не понимали и я был будто бы чужд им (М. Вишняк, *Годы эмиграции, 1919–1969 (Воспоминания)*. Stanford University-Hoover Institution Press, Париж-Нью-Йорк 1970, с. 262).

5. Ида Израилевна Тумаркина (1895–1995), общественный деятель; жена двоюродного дяди Вишняка Романа Тумаркина (см. прим. к следующему письму); близкая приятельница Марголина и его жены (письма Тумаркиной к Марголиным в настоящее время готовятся к печати).

6. Имеется в виду статья Г. Аронсона *80-летие М.В. Вишняка*, напечатанная в «Новом русском слове» (1963, № 18208, 15 января, с. 3). Достаточно привести, скажем, последний абзац статьи, чтобы почувствовать ее подобающий случаю торжественно-приподнятый тон:

И вот этому темпераментному публицисту, на редкость серьезно фундаментному, у которого читатель находит не столь часто встречающееся доскональное знание предмета, — исполнилось сейчас 80 лет. Его старые друзья и соратники по партии эсеров уже давно ушли в страну, откуда нет возврата. Армия сторонников <Ф>еврала в эмиграции давно уже поредела. Политическое одиночество, смягчаемое сближением с группой меньшевиков, тоже не первой молодости, остается в создавшихся условиях его уделом. Тем более отрадно приветствовать М.В. Вишняка в день его 80-летия, — одного из представителей русской демократической старой гвардии, которая до конца остается верна своему знамени. На этом знамени написаны правда и справедливость и «забытые слова» о совести и чести.

7. Касаясь в своих мемуарах материалов, появившихся в печати в связи с собственным 80-летием, Вишняк вспоминал и об этой статье:

А в «Новом Русском Слове» появилась «слишком даже лестная», по выражению <С.> Шварца, статья Гр. Аронсона, который срезюмировал из *Дани прошлому*⁶ все политически наиболее существенное и для меня ценное и сделал это так, что и я не мог бы сделать лучше, — хотя бы потому, что не мог бы сопроводить резюме сочувственным комментарием, как Аронсон. Мало сказать, что я был приятно поражен, я был изумлен, когда прочел эту статью в «Новом Русском Слове» и тотчас же взялся за телефон, чтобы поблагодарить автора и редактора газеты за то, что тот поместил такую статью. М.Е. Вейнбаум на это заметил: «Что же в этом удивительного?» Я объяснил, что это было для меня совершенно неожиданно, хотя бы потому, что «Новое Русское Слово» сочло нужным и возможным в первую годовщину смерти <Е.> Кусковой помянуть ее — и заодно меня — выдержками из ее писем к Вейнбауму с крайним порицанием меня⁷. На это М<арк> Е<фимович> заметил — и это побуждает меня сейчас упомянуть об этом диалоге: «Да, я был неправ, и я сожалею»... (М. Вишняк, *Годы эмиграции...*, с. 262).

8. Михаил Исаевич Клявер (1897? 1898?–1988), член эсеровской партии, который после Гражданской войны в России оказался на Дальнем Востоке — в Харбине, затем в Тяньцзине. После образования Государства Израиль, в начале 1950-х гг. переселился в Землю праотцев. Сначала работал на автозаправочной станции в Нетании, а затем начал заниматься книготорговым бизнесом (в связи с этим см. его письмо Вишняку

⁶ Т.е. из книги Вишняка *Дань прошлому* (Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк 1954).

⁷ См. номер «Нового русского слова» от 30 декабря 1959 г.

от 24 ноября 1953 г. в кн. *Heavy Burden of Responsibility for the Country: Russian Political Émigrés and Eretz Israel*, part 1, ed. V. Khazan, The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem 2020, pp. 552–554). После смерти в конце 1962 г. Владимира Самсоновича Злотникова редактировал «Bulletin of Association of Former Residents of China».

9. Имеется в виду еврей по крови Освальд (Самуил-Аарон) Руфайзен (монашеское имя — брат Даниэль; 1922–1998), католический монах, которому было отказано в получении израильского гражданства, когда в 1958 г. он как еврей пожелал репатрироваться в Землю предков. Суд по его делу продолжался четыре года, и в результате было вынесено решение о выдаче ему паспорта без указания в нем национальности: еврейство Руфайзена отменялось в судебном порядке. Поселившись в Хайфе, о. Даниэль до конца своих дней жил в кармелитском монастыре «Стелла Марис», будучи пастырем общины евреев-христиан Святого Иакова. Этой истории, имевшей мировой резонанс, Марголин посвятил очерк, напечатанный на страницах «Нового русского слова» в его постоянной рубрике *Тель-Авивский блокнот* (1962, № 18190, 28 декабря, с. 3). Почувствовав в драме Руфайзена, горячего сиониста в юности, которому пришлось креститься и стать католическим священником в трагические дни Холокоста, сложнейшие проблемы исторической судьбы еврейства вообще, Марголин, который, как обычно, шел против массового сознания, поддержавшего решение суда, писал в этом очерке:

Отец Даниэль нашумел на весь мир, попал в *Тайм* и даже был все упомянут на форуме Объединенных Наций во время «дискуссии», которая там велась по поводу сионизма и государства Израиль. <...> если отказали ему в праве называться в официальном документе евреем, — что из того? Живет он в Израиле, никуда уходить не хочет, живет с евреями и среди них, не араб, не поляк, иврит ему родной язык, а Израиль <...> родина. О явление отца Даниеля разбираются все аргументы и красноречие ученых-юристов. Он, возможно, и плохой еврей, странный еврей, своевольный еврей, — но еврей. <...> Пример отца Даниеля, наверное, не опасен ни для верующих, ни для неверующих евреев.

В прошлом еврей, меняя религию, тем самым изменял своему народу. Так было и в большой мере так еще остается в странах рассеяния, где, крестившись, еврей переступает черту, охраняющую его от растворения в окружении. Но в Израиле положение радикально иное — там еврейская страна. В том и заключается смысл сионизма, чтобы спасти дальнейшее существование еврейского народа, дав ему полную индивидуальную свободу религиозного самоопределения.

10. Хаим Герман Коэн (Haim Herman Cohn; 1911–2002), израильской судья и политический деятель; занимал пост мини-

стра юстиции, был членом Верховного суда справедливости (BAGATZ) и представителем Израиля в Совете ООН по правам человека. В противоположность другим членам Верховного суда, которые отвергли прошение, поданное о Даниэлем на право возвращения в Израиль как еврея, высказался в его защиту, но остался в меньшинстве.

11. Вишняк, который заинтересовался делом монаха Даниэля (его позиция полностью совпадала с гуманистическим пафосом марголинского утверждения о неотменимости еврейства судебно-формальным способом, хотя и разнообразилась целым спектром правоведческих аспектов), выступал с докладом о нем на вечере, организованным нью-йорским Союзом русских евреев, о котором подробно рассказывалось на страницах «Нового русского слова», см. И. Троцкий, *Еврей ли монах Даниил?*, «Новое русское слово» 1963, № 18287, 4 апреля, сс. 3, 4.

12. Имеется в виду статья религиозного деятеля, поэта и писателя Архиепископа Иоанна Сан-Францисского (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) *Даниил у львов*, напечатанная в том же «Новом русском слове» (1963, № 18206, 13 января, с. 2).

17

*Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
2 июня 1965*

Тель-Авив 2 июня <19>65

Дорогой Марк Вениаминович,

что у Вас слышно? Когда собираетесь в Европу? Я — по дороге в Мексику — прилечу в Нью-Йорк на 3–4 дня в конце июня. Отсюда я поеду 20-го <июня>, но останусь в Париже несколько дней, так что точно не знаю еще сам даты приезда в Нью-Йорк, — но хочу знать — застану ли Вас? Хорошо бы, как в прошлое лето, встретиться в том кафэ «немецком», на 72-ой ул<ице> (с Идой Изр<аилевной> и Тумаркиным [1]) — вечером или как Вам удобнее.

Пожалуйста, дайте мне знать о своем «дорожном расписании». Я снова вернусь в Нью-Йорк на обратном пути — во второй половине июля.

С приветом сердечным —
Ваш
Ю. Марголин

1. Роман Самойлович Тумаркин (1888–1971), предприниматель, общественный деятель, муж Иды Тумаркиной (см. прим. 5 к предыдущему письму), двоюродный дядя Вишняка.

18

Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
13 июня 1965

13/6 <1965> [1]

Марк Вениаминович дорогой,

сию минуту получил В<аше> письмо и немедленно строчу в ответ: отсюда трогаясь 20-го <июня>, а в Нью-Йорке буду и Вам позвоню в понедельник 28-го <июня>, как раз в день отъезда Тумаркиных. Встретимся — на обед (т.е. lunch) — в понедельник, у Вас дома, отлично, а если бы почему-либо не вышло, то улучим время *во вторник*, п<отому> ч<то> в среду я полечу дальше — в Мексику. Оттуда через Калифорнию вернусь в Нью-Йорк, но Вас к тому времени уже не будет. А с Идочкой <Тумаркиной> я еще встречу, ибо в первых числах августа еще буду в Нью-Йорке... Ни о чем не спрашиваю, откладывая до встречи, а Вас только обнимаю и целую, и Ева Еф<имовна> тоже, и Клявер, Михаил Исаич <sic>, доблестный сибиряк и эсэр [2], тоже кланяется и просит передать привет.

Ваш
Ю. Марголин

1. Год устанавливается по постовому штемпелю.
2. См. прим. 8 к письму № 16.

19

Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
8 января 1967

8 января <19>67

Дорогой Марк Вениаминович,

Большое Вам спасибо за сообщение об «инциденте», имевшем место на докладе проф. Ржевского [1]. Я немедленно реагировал на него статьей, которую одновременно с этим письмом посылаю в «Нов<ое> Рус<ское> Слово» [2]. Всерьез этого «идиотства» не беру и ни на кого по этому поводу обижаться не вижу оснований... Но очень тронут тем, что за меня друзья заступились, в особенности отзывом проф. Глеба Струве... [3]

Будем все здоровы и благополучны, авось летом встретимся... Е<ва> Е<фимовна> Вас приветствует,

Ваш

Ю. Марголин

1. Леонид Денисович Ржевский (собств. Суражевский; 1903–1986), писатель и литературовед второй волны эмиграции.

2. Имеется в виду статья Марголина, напечатанная в его рубрике *Тель-Авивский блокнот* и имеющая подзаголовок *На какую полочку?* (1967, № 19668, 14 января, с. 4), в которой идет речь о писательской самоидентификации автора.

Пишут мне, — начинал свою статью Марголин, явно адресуясь к несохранившемуся письму Вишняка к нему, — что на съезде американских преподавателей славянских языков, происходившем на Рождество, в одной из секций упоминалось мое имя в связи с затруднением, можно ли считать автора этих строк «русским писателем»? По этому поводу были разногласия, и я спешу прийти в помощь или, если возможно, еще больше запутать вопрос.

И далее автор статьи переходил к разъяснению своего отношения к писательской «табели о ранге» и к тому, «на какой полочке» национально-литературных классификаций он должен быть размещен:

Лично для меня, и в применении к моей скромной особе, вопрос большого интереса не представляет: ну, не все ли равно, на какую полочку какого отдела меня поместят? Суть дела от этого не изменится. Лестно, конечно, если поставят меня в одном ряду с теми русскими эмигрантскими авторами, которых я чту и уважаю; но не возражаю, если при этой okazji поставят меня сбоку в особый угол. Только на шахматной доске фигурки каждая на отдельном квадратике. В жизни все гораздо сложнее.

В попытке Марголина растолковать эту сложность важное значение имело следующее место этой статьи, в котором он формулировал свою литературную идентификацию и вполне убедительно ее аргументировал:

На вопрос — «кто вы такой?» — я привык отвечать: «еврейский писатель на русском языке». Как это возможно? Это вопрос общего литературовед-

ческого порядка. Спиноза, писавший по латыни, какой писатель — голландский или еврейский? Гейне только ли немецкий поэт? Евреи от него не отказываются... Синадальная Библия только ли «еврейская книга»? В наши дни Конрад-Коженёвский, поляк, Артур Кестлер, венгерский еврей, вошли в английскую литературу, а В. Набоков, русский, вошел в литературу американскую...

В моем случае происходит еще, что Марголин, бесспорно, еврейский националист. «Сионистом», кстати, может быть и не еврей, это дело политического убеждения, а не национальности. Национальность, т.е. принадлежность к определенному народу, надо отличать и от гражданства. Гражданство у меня одинаковое с сотнями тысяч израильских арабов, а национальность, по происхождению и вольному выбору — еврейская. Принадлежность же к литературе, как видим на примере Кестлера, Конрада, Набокова, — дело особое. Ибо литература — область духовного творчества, где народы встречаются и взаимно проникаются. Причем соприкасаются они не только на вершинах, создавая универсальные ценности, но и на всем протяжении своих зыбких, меняющихся в историческом процессе границ.

Статья завершалась крайне симптоматичной для мировоззрения Марголина вообще и его «литературной идеологии» в частности мыслью о размытости в подлинном искусстве национальных границ и рамок:

Узкий схематический национализм при оценке литературного явления оказывается недостаточен еще и потому, что последнее основание литература, как и всякое духовное «делание», имеет в общечеловеческом. Достаточно, что «подаем голос», а какое будет эхо — не в нашей власти.

3. По-видимому, отзыв историка литературы, редактора, литературного критика, поэта, переводчика, проф. Глеба Петровича Струве (1898–1985) прозвучал непосредственно на самом съезде американских славистов, о котором Вишняк писал Марголину. В своей известной монографии *Русская литература в изгнании* (1-е изд. — 1956) Струве упоминает имя Марголина дважды — в первом случае как автора *Заметок о Пушкине*, напечатанных в журнале «Воля России» (1928, № 1, январь, сс. 72–105; № 2, февраль, сс. 34–59), а во втором в связи с романом Ивана Шмелева *Солнце мертвых* (отд. изд. 1926), который по степени изображенных ужасов, творившихся в России, намного проигрывает в сопоставлении с *Путешествием в страну Зе-Ка*.

20

Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
17 февраля 1968 [1]

17 февраля <19>68

Дорогой, дорогой Марк Вениаминович—

Прежде всего — насчет запроса Александры Николаевны Прегель [2]. Я удивлен. Я был уверен, что она вполне в курсе перевода на иврит книги М. Цетлина *Пятеро* (а не *Декабристов*) [3], который был сделан по настоянию Марии Яковлевны <sic> [4] уже давно, в 1960 году, что ли. Перевод *превосходный*, сделан мастером этого дела, известным нашим Хананием Райхманом, тем самым, которому принадлежит «классический» перевод басен Крылова, выходящий в Израиле 17 изданием, и много других переводов, и своих произведений [5]. Райхман мой приятель, он вообще завален работой, не принимает заказов, и это было моим «достижением», что он согласился сделать перевод. Он сидел над ним «между делом» целый год. Мы с Райхманом вместе «приспособили» эту книгу для израильского читателя, сократив некоторые длинноты и ненужности. Вышло отлично! И я был уверен, что выйдет книга. Но «Ам-Овед», крупнейшее здесь издательство, продержав книгу ряд месяцев и вода за нос, в конце концов, не приняло.

Не удалось и в других издательствах. М<ария> Я<ковлевна> написала мне, что она готова издать на свой счет. Я нашел издательство, которое было готово довольно дешево это сделать (под условием, что М<ария> Я<ковлевна> «купит» какое-то число, несколько сот экземпляров книги). Уже было договорились... но вдруг М<ария> Я<ковлевна> передумала, и я получил директиву отослать ей манускрипт перевода. Что и было сделано. Я полагал, что это была интервенция родных и что Ал<ександра> Ник<олаевна>, единственная в семье знающая иврит, разберется в качестве перевода и даст делу дальнейший ход [6]. Но — все заглохло. Я, как Вы можете себе представить, не очень был доволен таким исходом. Повторяю — перевод отличный, входящий во все оттенки смысла и тонкости, как может только Х. Райхман, кунктатор, сидящий иногда неделю над одним выражением, пока найдет для него эквивалент на иврите.

Итак — следует найти в Нью-Йорке у М<арии> Я<ковлевны> отосланный ей отпечатанный на машинке перевод. Если бы это не удалось, то у меня должна быть где-то копия — но она потонула в архивных дебрях, пришлось бы все перерывать, чтобы найти ее. Ведь сколько лет прошло!

Тем временем вышла в Тель-Авиве какая-то книга о русской музыке — понятно, то и не то — несколько лет тому назад я видел ее в витринах и вспомнил с грустью о *Пятеро*. Скажите Ал<ексandre> Николаевне, что я и теперь считаю недопустимым, чтобы *ценная книга*, переведенная человеком, одно имя которого в Израиле составляет рекомендацию, осталась неизданной [7].

Ну вот, это одно. А теперь к Вашему письму. Очень мы с Е<вой> Е<фимовной> ему обрадовались. Сравнить же наши годы не стоит. Ведь процесс старения у каждого протекает по-особому. Я наверно не доживу до Ваших лет. Е<ва> Е<фимовна> ходит с трудом, опираясь на палку, и редко выходит. Я бегаю и за нее, и за себя. Очень бы хотелось побывать в этом году в Соед<иненных> Штатах, благословенной Калифорнии (где у меня сын и внучок в Сан-Франциско), но денег на поездку нет, и, вероятно, 4-летний внук с родителями сюда пожалует летом. Под условием, что будет относительно спокойно. А будет ли?

Марк Вениаминович дорогой, не даю Вам советов, но очень бы хотел прочесть *Годы эмиграции* вскоре и не откладывая [8]. Какое бы страшное время не было наше, все-таки лет через десять, когда назреет китайская атомная угроза — «желтая опасность» — вот тогда я не позавидую нашим детям и внукам. Их ждет настоящее испытание... а мы что? Мы еще благополучно справляемся.

У нас в Израиле еще жить можно. Атмосфера очистилась от многих миазмов. Уже одно отсутствие советской и сателлитских «амбассад», с их персоналом, рыскавшим по всем учреждениям и углам страны, чего стоит. Подумайте, у нас даже коммунисты, еврейские, конечно, а не арабские, оказались патриотами, когда дело стало серьезно [9]. Слушать их теперь одно удовольствие. Логика ситуации взяла верх. И никаких «хиппи'с».

Материально же, конечно, трудно. В особенности такому, как я. Начал здесь выходить на рус<ском> языке информационный листок *Наша страна* (под надзором министерства информации) [10]. Но там я неподходящий. Увы, все еще неподходящий.

Но не жалуясь.

Время хоть и страшное, но сугубо интересное.

Сердечный привет передайте Иде Изр<аилевне> Тумаркиной> и Прегелям при встрече. Ева Ефимовна Вам низенько кланяется.

Ваш всегда

Ю. Марголин

1. Отпечатано на машинке.

2. Александра Николаевна Прегель (урожд. Авксентьева, после удочерения: Цетлина; 1907–1984), художница; дочь видного эсеровского деятеля Николая Авксентьева и Марии Цетлиной. Вторым браком была замужем за ученым, предпринимателем, меценатом, общественным деятелем Борисом Юльевичем Прегелем (1893–1976).

3. Роман Михаила Цетлина (см. о нем прим. 4 к письму № 8) *Пятеро и другие* (1944; 2-е, посмертное изд. — 1953) посвящен композиторам «могучей кучки».

4. Имеется в виду жена Цетлина и мать Александры Прегель, Мария Самойловна Цетлина (см. прим. 4 к письму № 8).

5. Ханания Райхман (1905–1982), израильский поэт и переводчик; близкий друг Марголина, на смерть которого он написал цикл стихов, вышедших книгой *Памяти друга* (Тель-Авив: МАОЗ — Общество борьбы за освобождение евреев из СССР, 1971).

6. О знании Александрой Прегель древнееврейского языка см. В. Хазан, *Александра Николаевна Прегель говорит и пишет на иврите*, «Еврейский книгоноша» (Иерусалим; Москва), 2002, № 1, сс. 52–55.

7. Книга Михаила Цетлина *Пятеро и другие* на иврите издана не была, и судьба рукописи с ее переводом Рейхманом неизвестна.

8. Книга воспоминаний Вишняка, третья и последняя в его мемуарной трилогии (*Дань прошлому* и *'Современные записки': Воспоминания редактора*), которая несколько раз цитировалась выше.

9. Под «серьезным делом», несомненно, подразумевается Шестидневная война (1967).

10. «Наша страна» — израильский еженедельник (позднее — газета) на русском языке; выходила с 1968 по 2002 г.

21

Марголин — Вишняку
Тель-Авив — Нью-Йорк
26 апреля 1968

Пятница 26 апр<еля> <19>68

Дорогой Марк Вениаминович,

Спасибо за Вашу интервенцию у «начальства». При оказии передайте г<осподину> Джону Blashill, что я абонирую «Time»

и, конечно, особенно внимательно читаю всё относящееся к Ср<еднему> Востоку [1]. Не всегда согласен, — в данном случае, однако, не было «riposte» с моей стороны, а лишь ссылка на «Time» от 29 III. Акцент не на слове «бойцы», а на сообщении о 2000 в Карамэ и 20 000! резервов. Местная пресса не приводила столь внушительных цифр, и я сослался на «Time» в подтверждение тезиса о «нерегулярной армии, выдвинутой арабскими государствами в обход договора о прекращении военных действий». Слово же «бойцы» было употреблено мною в советском значении («бойцы» вместо «солдаты», «рядовые»), имея в виду их глорификацию многими на Западе... но действительно могло показаться, что я взял это слово (fighters) из «Time'a». Текст г<осподина> Blashill я нахожу вполне correct, и не было у меня намерения «riposte» — только ссылка на его цифры [2].

У нас в апреле 50 тысяч туристов, и среди них родственники — племянница Doris с мужем из Мексико Сити, другая молоденькая дочка племянницы (Мэри Спектор) из Нью-Йорка,... и всеми надо заниматься, встречать, угощать, провожать... [3] Но кое-как держимся, и за то слава Богу... Ида (Тумаркина) нас не забывает, шлет вырезки моих статей в «Новом» Р<усском> С<лове>» air mail (нормально газета получается рулонами спустя 2–3 месяца). — Не знаю, когда выберусь в Штаты, но твердо рассчитываю на встречу с Вами, дорогой друг!

Привет от Евы Ефимовны —

Ваш

Ю. Марголин

1. Джон Блашил (John Blashill), американский журналист, сотрудник журнала «The Time».

2. Речь идет о статье Марголина, напечатанной в «Новом русском слове» (1968, № 20118, 8 апреля, с. 3) в его регулярной рубрике *Тель-Авивский блокнот*. В ней описывалось сражение, произошедшее 21 марта 1968 г. при иорданской деревне Караме между Армией обороны Израиля и объединенными силами Организации освобождения Палестины (ООП); позднее против израильтян выступила иорданская армия. Касаясь обстановки, возникшей в результате Шестидневной войны 1967 г. и характеризовавшей взрывоопасную ситуацию, в конце концов приведшую к вооруженному столкновению в районе Караме, Марголин в этой статье писал:

Год прошел — памятный год — и ситуация изменилась. Теперь высота Голана находится в израильских руках. Сирийская граница успокоена.

Разбойничий центр в Газе ликвидирован. Египетская граница отодвинута до Суэца. Центр тяжести террористической деятельности организаций со звучными именами — «Штурм», «Фронт Освобождения Фаластын», «Эль Фатах», переместился в Иорданию. Она одна теперь в долине Бет-Шан и южнее Мертвого моря граничит непосредственно с израильской территорией. Отсюда и направляются выпады коммандосов, вербуемых из всех арабских государств. Иорданская армия служит им прикрытием и защитой. Соглашение о прекращении огня формально обяывает разгромленные в июне прошлого года регулярные арабские армии. Поэтому выдвинута на первый план — организованная общим усилием врагов Израиля, обученная на их территориях и снабженная советским оружием нерегулярная армия. Нью-йоркский «Тайм» оценил в номере от 29 марта резервы этой нерегулярной армии налетчиков в 20 тысяч человек. В деревне Караме на восточном берегу Иордана, в 3 километрах от реки, находилась их база, штабы, склады, — до 2000 бойцов, если верить «Тайму», — и если слово «боец» применимо к людям, открыто заявляющим, что они намерены убивать жителей Израиля «без различия пола и возраста». Такой «боец» скорее заслуживает имени «убийца».

3. Имеются в виду родственники Евы Ефимовны Марголиной.

References

- Amfiteatrov, Alexander V. "'Zhili-byli tri sestry' (Pamiati Yek. P. Letkovoi)." *Segodnia*, no. 167, June 20, 1937: 4 [Амфитеатров, Александр В. "'Жили-были три сестры' (Памяти Ек.П. Летковой)", *Сегодня*, no. 167, 20 июня, 1937: 4].
- A.G. <Aronson, G.> "Na vechere Yu.B. Margolina." *Novoe russkoe slovo*, no. 15005, May 27, 1953: 3 [А.Г. <Аронсон, Г.> "На вечере Ю.Б. Марголина." *Новое русское слово*, no. 15005, 27 мая, 1953: 3].
- Aronson, Grigory Y. "'Опыту'. Kniga vtoraya." *Novoe russkoe slovo*, no. 15177, November 15, 1953: 8 [Аронсон, Григорий Я. "'Опыты'. Книга вторая." *Новое русское слово*, no. 15177, 15 ноября, 1953: 8].
- Aronson, Grigory Y. Review of *Yevreiskaya povest'* by Yuly Margolin, *Novyi zhurnal*, no. 66, 1961: 283–285 [Аронсон, Григорий Я. Рецензия на *Еврейскую повесть* Ю. Марголина, *Новый журнал*, кн. 66, 1961: 283–285].
- Дымов, Осип. *I Remembered and Wanted to Relate...: From the Memoir and Epistolary Heritage: in two vols*, vol. 2: Friends and Fellow Artists. Compilation and commentaries by V. Khazan. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011 [Дымов, Осип. *Вспомнилось, захотелось рассказать...: Из мемуарного и эпистолярного наследия, в 2-х томах*, т. 2: В дружеском и творческом кругу Дымова. Составление и комментарий В. Хазана. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011].
- 'Eсли chudo voobsche vozmozhno za granitse...': Epokha 1950th v perepiske russkikh literatorov-emigrantov / Sostavlenie, predislovie

- i primechaniya by O.A. Korostelev. Moscow: Biblioteka-fond 'Russkoe zarubezhie'; Russkiy put', 2008 [Если чудо вообще возможно за границей...: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. Составление, предисловие и примечания О.А. Коростелева. Москва: Библиотека-фонд 'Русское Зарубежье': Русский путь, 2008].
- Gul', Roman B. *la unes Rossiyu: Apologiya emigratsii, v 3-kh tomakh*, t. 1: Rossiya i Germaniya. Moscow: Yu.S.G.-Press, 2001 [Гуль Роман Б. Я унес Россию: Апология эмиграции, т. 1: Россия в Германии. Москва: Ю.С.Г.-ПРЕСС, 2001].
- Heavy Burden of Responsibility for the Country, part 1: Russian Political Émigrés and Eretz Israel*. Edited by V. Khazan. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2020 (Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. II).
- Khazan, Vladimir I. *Pinhas Rutenberg: Ot terrorista k sionistu: Opyt identifikatsii cheloveka, kotoryi delal istoriyu, v 2-kh tomakh*. Jerusalem: Gesharim; Moscow: Mosty kul'tury, 2008 [Хазан, Владимир И. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: Опыт идентификации человека, который делал историю, в 2-х томах. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2008].
- Khazan, Vladimir I. "Mat' Mariia: izrail'skie otzvuki tragicheskoy sud'by." *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Ed. by L. Fleishman <et al.>. Peter Lang, 2020 (Stanford Slavic Studies, vol. 50): 897–978. [Хазан, Владимир И. "Мать Мария: израильские отзвуки трагической судьбы." *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Ed. by L. Fleishman <et al.>. Peter Lang, 2020 (Stanford Slavic Studies, vol. 50): 897–978].
- Korvin-Piotrovsky, Vladimir L. *Porazhenie: Poemy i stikhi o Rossii*. Paris: Rifma, 1960 [Корвин-Пиотровский Владимир Л. Поражение: Поэмы и стихи о России. Париж: Рифма, 1960].
- Korvin-Piotrovsky, Vladimir L. "Otvet Yu.K. Terapiano." *Russkaia mysl'*, no. 1570, August 27, 1960: 7 [Корвин-Пиотровский, Владимир Л. "Ответ Ю.К. Терапиано." *Русская мысль*, no. 1570, 27 августа, 1960: 7].
- Makovsky, Sergei K. *Portrety sovremennikov*. New York: Izd-vo im. Chekhova, 1955 [Маковский, Сергей К. *Портреты современников*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955].
- Makovsky, Sergei K. *Na Parnase 'Serebrianogo veka'*. Munich: ZOPE, 1962 [Маковский, Сергей К. *На Парнасе 'Серебряного века'*. Мюнхен: ЦОПЭ, 1962].
- Makovsky, Sergei K. "Nikolai Gumilev po lichnym vospominaniyam sovremennikov." *Novyi zhurnal*, no. 77, 1964: 157–189 [Маковский, Сергей К. "Николай Гумилев по личным воспоминаниям." *Новый журнал*, no. 77, 1964: 157–189].
- Margoline, Jules. *La condition inhumaine: Cinq ans dans les camps de concentration Sovietiques*. Traduit par N. Berberova et Mina Journot. Paris: Calmann-Levi, 1949.

- Margolin, Yuly V. *Puteshestvie v stranu Ze-Ka*. New York: Izd-vo im. Chekhova, 1952 [Марголин, Юлий Б. *Путешествие в страну Зе-Ка*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952].
- Margolin, Yuly V. "Galila." *Novyi zhurnal*, no. 33, 1953: 107–123 [Марголин, Юлий Б. "Галия." *Новый журнал*, no. 33, 1953: 107–123].
- Margolin, Yuly V. "Non omnis moriar." *Novyi zhurnal*, no. 35, 1953: 59–71 [Марголин, Юлий Б. "Non omnis moriar." *Новый журнал*, no. 35, 1953: 59–71].
- Margolin, Yuly V. "Do We Leave the Russian Jews to Their Fate? (The Face Extinction, Unless)." *Commentary*, vol. 16, no. 4, October, 1953: pp. 321–327].
- Margolin, Yuly V. "O lzhi." *Opyty*, no. 2, 1953: 88–99; no. 8, 1957: 118–25 [Марголин, Юлий Б. "О лжи." *Опыты*, no. 2, 1953: 88–99; no. 8, 1957: 118–125].
- Margolin, Yuly V. "Ivan Alexandrovich Kuznetsov." *Literaturnyi sovremennik*, <no 1>, 1954: 147–153 [Марголин, Юлий Б. "Иван Александрович Кузнецов." *Литературный современник*, <no. 1>, 1954: 147–153].
- Margolin, Yuly V. "V gostiakh u Xenii." *Novoe russkoe slovo*, no. 15765, June 26, 1955: 3 [Марголин, Юлий Б. "В гостях у Ксении." *Новое русское слово*, no. 15765, 26 июня, 1955: 3].
- Margolin, Yuly V. "Mas le-avar." *Naboker*, no 6682, November 8, 1957: 6.
- Margolin, Yuly V. "O svobode." *Grani*, no. 34/35, April-September, 1957: 305-335; no. 36, October-December: 211–223 [Марголин, Юлий Б. "О свободе." *Грани*, no. 34/35, апрель-сентябрь, 1957: 305–35; no. 36, октябрь-декабрь: 211–223].
- Margolin, Yuly V. "Istoriia odnogo neschastia." *Novoe russkoe slovo*, no. 16332, March 16, 1958: 2, 7 [Марголин, Юлий Б. "История одного несчастья." *Новое русское слово*, no. 16332, 16 марта, 1958: с. 2, 7].
- Margolin, Yuly V. "O Boge velikom." *Vozdushnye puti*, vol. 1, 1960: 259–282 [Марголин, Юлий Б. "О Боге великом." *Воздушные пути*, вып. 1, 1960: 259–282].
- Margolin, Yuly V. *Yevreiskaya povest'*. Tel Aviv: Ma'ayan, 1960 [Марголин, Ю. *Еврейская повесть*. Тель-Авив: Мааян, 1960].
- <Margolin, Yuly V.> Galin, A. "'Proshloe' o proshlom." *Vestnik Izrailia*, no. 36, 1962: 33 [<Марголин, Юлий Б.> Галин, А. "'Прошлое о прошлом.'" *Вестник Израиля*, no 36, 1962: 33].
- Margolin, Yuly V. "Tel-Avivsky bloknot." *Novoe russkoe slovo*, no. 18342, May 29, 1963: 2, 4 [Марголин, Юлий Б. "Тель-Авивский блокнот." *Новое русское слово*, no. 18342, 29 мая, 1963: 2, 4].
- Margolin, Yuly V. "Uroki proshlogo." *Novoe russkoe slovo*, no. 18277, March 25, 1963: 2 [Марголин, Юлий Б. "Уроки прошлого." *Новое русское слово*, no. 18277, 25 марта, 1963: 2].
- Margolin, Yuly V. "Raspad." *Chetyre stat'i*. Tel Aviv: MAOZ, 1971 [Марголин, Юлий Б. "Распад." *Четыре статьи*. Тель-Авив: MAOZ (Общество борьбы за освобождение евреев из СССР), 1971: 22–36].
- Margolin, Yuly V. *Povest' tysiacheletiy: szhatyi ocherk istorii yevreiskogo naroda*. Tel Aviv: O-vo uvekovechivaniya pamiati d-ra Yliya Borisovicha

- Margolina, 1973 [Марголин, Юлий Б. *Повесть тысячелетий: сжатый очерк истории еврейского народа*. Тель-Авив: О-во увековечивания памяти д-ра Юлия Борисовича Марголина, 1973].
- Margolin, Julius. *Reise in das Land der Lager*. Aus dem Russischen von Olga Radetzkaja. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2013.
- Margolin, Yuly B. *Masa le-aretz haasirim*. Transl. by Idit Shaked. Jerusalem: Karmel, 2013.
- Margolin, Yuly B. *Puteshestviye v stranu Ze-Ka, v 2-kh knigakh*. Tel Aviv: Jabotinsky Institute, 2017 [Марголин, Юлий Б. *Путешествие в страну зека, в 2-х книгах*. Тель-Авив: Институт Жаботинского в Израиле, 2017].
- Oren, Mordechai. *Jews, Arabs and British in Palestine: A Left Socialist View* (London: Kibutz Artzi Hashomer Hatzair, 1936).
- Pis'ma zapreschennykh liudei: Literatura i zhizn' v emigratsii: 1950-1980th: Po materialam ahchiva I.V. Chinnova. Sostavitel' O.F. Kuznetsova. Moscow: IMLI RAN, 2003 [Письма запрещенных людей: Литература и жизнь в эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова. Составитель О.Ф. Кузнецова. Москва: ИМЛИ РАН, 2003].
- Tatida. *Vos'mistishiya*. Berlin, 1924 [Татида. *Восьмистишия*. Берлин, 1924].
- Terapiano, Yury K. Review of almanac *Mosty* (vol. 4, 1960), *Russkaya mysl'*, no. 1564, August 13, 1960: 6–7 [Терапиано Юрий К. Рецензия на альманах *Мосты* (кн. 4, 1960), *Русская мысль*, no. 1564, 13 августа, 1960: 6–7].
- Terapiano, Yury K. "Vynuzhdennyi otvet." *Russkaya mysl'*, no. 1570, August 27, 1960: 6–7 [Терапиано Юрий К. "Вынужденный ответ." *Русская мысль*, no. 1570, 27 августа, 1960: 6–7].
- Terapiano, Yury K. *Literaturnaia zhizn' russkogo Paris za polveka (1924–1974): Esse, vospominaniya, stat'i*. Paris, New York: Albatros–Tretia volna, 1987 [Терапиано Юрий К. *Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи*. Париж, Нью-Йорк: Альбатрос–Третья волна, 1987].
- Vishniak, Mark V. "Israel (Iz vpechatleniy)." *Novyi zhurnal*, no. 26, 1951: 217–236 [Вишняк, Марк В. "Израиль (Из впечатлений)", *Новый журнал*, no. 26, 1951: 217–236].
- Vishniak, Mark V. Review of *Puteshestviye v stranu Ze-Ka* by Yu. Margolin, *Novyi zhurnal*, no. 31, 1952: 320–322 [Вишняк Марк В. Рецензия на *Путешествие в страну Зе-Ка* Ю. Марголина, *Новый журнал*, no. 31, 1952: 320–322].
- Vishniak, Mark V. *Dan' proshlomu*. New York: Izd-vo im. Chekhova, 1954 [Вишняк, Марк В. *Дань прошлому*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954].
- Vishniak, Mark V. *Gody emigratsii, 1919–1969. Paris–New-York (Vospominaniya)*. Stanford: Stanford University: Hoover Institution Press, 1970 [Вишняк, Марк В. *Годы эмиграции, 1919–1969. Париж-Нью-Йорк (Воспоминания)*. Stanford: Stanford University: Hoover Institution Press, 1970].

- Xenia. "Shalosh mehaphaniyot yehudiyot." *Heavar*, vol. 5, 1957: 104–115.
- Zlobin, Vladimir A. *Tiazhelaya dusha: Literaturnyi dnevnik, vospominaniya, stat'i, stikhotvoreniya*. Red. L.M. Suris. Moscow–Berlin: Direkt-Media, 2016 [Злобин В.А. *Тяжелая душа: Литературный дневник, воспоминания, статьи, стихотворения*. Под ред. Л. М. Суриса. Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2016].
- Zoschenko, M. *Povesti i rasskazy*. New York: Izd-vo im Chekhova, 1952 [Зощенко, М. *Повести и рассказы*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952].